

С. Е. Полякова
Санкт-Петербург, РоссияS. E. Polyakova
Saint-Petersburg, Russia**ФУНКЦИИ МОЛЧАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ****FUNCTIONS OF SILENCE
IN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается категория молчания в политической коммуникации, определяется цель этой категории, ее план выражения и план содержания. Особое внимание уделяется выделению и описанию основных функций, обуславливающих молчание в политическом общении, а именно эмотивной, hesitantивной и когнитивной.

Abstract. The article examines the category of silence in political communication, identifies its purpose, features of its content and expression. Special attention is paid to the selection and description of the main functions that determine silence in political discourse, namely, emotive, hesitative, and cognitive functions.

Ключевые слова: политическая коммуникация; категория молчания; эмотивная функция, hesitantивная функция; когнитивная функция.

Key words: political communication; category of silence; emotive function; hesitative function; cognitive function.

Сведения об авторе: Полякова Светлана Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и переводоведения.

About the author: Polyakova Svetlana Evgenievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов.

Place of employment: Saint-Petersburg State University of Economics and Finance.

Контактная информация: 191023, г. Санкт-Петербург, Москательный пер., д. 4.
e-mail: mail.olfrost@gmail.com.

Общение представляет собой постоянное взаимодействие речевых актов молчания и говорения. Молчание следует рассматривать как фон, на котором человек выступает с вербальной коммуникацией. Молчание и слово находятся в тесных отношениях, так как они являются предпосылками возникновения и следствиями друг друга. Молчание конкретизирует каждое отдельное значение слова; слово используется для описания молчания; в отличие от слова, одной из функций которого является закрепление значения, молчание рассматривается как уход от констатации.

Категория молчания не является лингвистической. Ее нет в традиционном языкознании, так как наука о языке имеет дело с реально существующими явлениями языка и речи, такими, как слово, высказывание, текст. Молчание, однако, является одной из форм человеческой коммуникации и имеет свою цель, план выражения и план содержания. Планом выражения молчания, правда, является отсутствие у него звуковой стороны. Тем не менее оно несет в себе значение. Элементами диалога являются, как известно, не только слова, речевые акты, но и невербальные коммуникативные средства. Это всё то, чем можно обменяться. В данный ряд включается и молчание. Неважно, является ли это молчание секундной паузой-сомнением или минутным актом в качестве ответной реакции. Акт молчания можно отнести к паравербальным компонентам коммуникации, т. е. к слышимым, но не види-

мым ее средствам. Он выступает как самостоятельный элемент этой системы.

Согласно мнению Н. Д. Арутюновой, одного из первых исследователей прагматики молчания, концепт молчания формируется на фоне понятия говорения. Следовательно, и прагматика молчания формируется на фоне прагматики говорения. Нарушить молчание можно только тогда, когда был прецедент говорения. Молчание имеет прагматику, свойственную говорению: молчание адресовано, оно имеет мотив, а иногда и цель, и может соотноситься со вполне определенным содержанием [Арутюнова 1994: 108]. Молчание и речь не исключают друг друга. Это противоположности, которые образуют единство. Афоризм Л. Витгенштейна «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» подводит к мысли о том, что речь и молчание могут быть об одном и том же.

Молчание является поведенческим стереотипом, коммуникативной стратегией, которая взаимосвязана с вербальным поведением человека и отличается от других пяти типов отсутствия речи. Умолчание — это пространство между речью и молчанием. Тишина — это отсутствие звука как такового. Паузу можно обозначить как расстояние между словами, т. е. как перерыв в потоке речи. Это только задержка начала речевого акта, которая не является его отменой или заменой и которая может возникнуть как неосознанно, так и намеренно. Это скорее момент умственной деятельности. Можно было

бы провести границу между двумя видами молчания: «полным молчанием» и «временным молчанием», или, другими словами, между собственно молчанием и паузой. Временное молчание, т. е. промедление с репликой, значительно ближе к речи, чем полное молчание. Это своеобразная переходная зона между речью и молчанием. Паузы внутри предложений или на их стыке выполняют синтаксическую, когнитивную и эмотивную функции, соответственно разграничивая синтаксически завершённые конструкции, являясь мыслительным поиском необходимых для дальнейшего высказывания лексических и грамматических средств и отражая эмоциональное состояние говорящего в момент речи. Собственно паузы представляют собой неотъемлемую принадлежность речи, однако они становятся не частью какого-то речевого действия, а самостоятельным речеповеденческим актом, когда их продолжительность превосходит какую-то норму. Продолжительность паузы является собственным дифференциальным признаком молчания-паузы [Арутюнова 2000: 424]. Немота — это невозможность говорить, т. е. оппозиция дару речи. Безмолвие выступает как характеристика среды в сравнении с человеком и его эмоциями. Тишина же не предполагает присутствие субъекта. Существует целая философия безмолвия, которое есть не что иное, как особое состояние внутренней тишины, гармонии, наполненности. Молчание неравнозначно тишине — естественному состоянию беззвучия в отсутствие разговора. Тишина не имеет темы и автора, она, в отличие от молчания, является состоянием бытия, а не действием, производимым субъектом и относящимся к объекту. Кратко это различие выразил М. Бахтин: «В тишине ничто не звучит (или нечто не звучит) — в молчании никто не говорит (или некто не говорит). Молчание возможно только в человеческом мире (и только для человека)» [Бахтин 1979: 338]. Молчание и тишина не пусты. Однако их непустота различна. Субъектом молчания может быть мысль. Молчание — это знак стоящего за ним содержания. Содержание слито с молчанием как означаемое с нулевым означающим. Тишина — это мир вокруг человека, молчание — мир самого человека. Речь и молчание одинаково предполагают предмет, на который они направлены. О чём-то можно в равной степени говорить и молчать.

Молчание выполняет определённые коммуникативные функции, которые также определяют контексты его употребления. Существуют некоторые классификации актов

молчания, составленные на основе этих функций. Например, Дж. В. Йенсен выделяет пять функций: функцию связи, воздействия, узнавания, суждения и действия [Jensen 1973: 249]. Т. Брюно приводит три функции: молчание психолингвистическое, социокультурное и интерактивное [Bruneau 1973: 17]. Существуют и другие классификации, сделанные такими учеными, как В. В. Богданов, К. Циммерман. С. В. Крестинский попытался обобщить имеющиеся классификации на основе коммуникативной роли молчания и выделил следующие функции актов молчания:

«Эмотивная функция (молчание передаёт эмоциональное состояние человека).

Когнитивная функция (выражает мыслительную деятельность коммуниканта).

Гезитативная функция (отражает мыслительные процессы коммуниканта с имплицитной сомнением)» [Крестинский 1989: 96—97].

Эмотивная, гезитативная и когнитивная функции молчания тесно переплетаются. Обе последние обычно проявляются в ситуациях, когда молчание передаёт эмоциональное состояние человека. Гезитация, т. е. сомнение, тоже возникает по причине преобладания определённых эмоций. Коммуникант может сомневаться, стоит ли ему отвечать на вопрос, как лучше ответить, какие последствия повлечёт за собой его ответ. Как правило, участник коммуникации эмоционально нестабильное состояние пытается скрыть, и к молчанию он прибегает ненамеренно. Когнитивная же функция проявляется практически во всех случаях, при которых коммуникант прибегает к приёму молчания. Она пересекается со всеми возможными функциями, но ближе всего стоит к эмотивной и гезитативной функциям. Когнитивная функция выражает мыслительную деятельность коммуниканта. Сильнее всего обдумывает свои будущие действия человек, который сомневается в их правильности. А такие сомнения как раз чаще всего появляются из-за утраты эмоционального равновесия.

Рассмотрим такой пример:

1.

DEBORAH AMOS: *Candidate Bill Clinton challenged President Bush to attend the upcoming Earth Summit in Rio de Janeiro and commit the United States to a global warming treaty.*

REPORTER: *Mr. President, are you planning to go to Rio for the Earth Summit?*

Pres. GEORGE H. W. BUSH: *We're contemplating that right now, what to do. And there's some preliminary work going on.*

REPORTER: *Do you want to go?*

Pres. GEORGE H. W. BUSH: *Well, I'm-...*

TIMOTHY WIRTH: *And it became a major issue. Was he or was he not going to go to the Earth Summit? And at that point, you know, we on the Democratic side were beating up on them as hard as possible, saying, "What do you mean, the president's not going to go to the Earth Summit? It's the most important gathering in the history of the world!"* [Amos, Bull].

Здесь молчание является скорее бессознательным действием. Президенту Джорджу Бушу тяжело скрыть волнение и уменьшить степень выраженности эмоций, но он всё же хочет позаботиться о сохранении собственного лица. Он чувствует нарастающую конфликтность ситуации, и его молчание здесь выступает в роли ответной психологической реакции. Оно, с одной стороны, маркирует проявление эмоций, а с другой — позволяет человеку перейти от речи звучащей к речи внутренней.

Президент сначала надеется выйти из ситуации с помощью стратегии анонимности. Он прибегает к приему деперсонализации с целью снятия с себя ответственности и своим ответом *We're contemplating that right now, what to do...* перекладывает эту ответственность на всё свое окружение, партию, соратников, которые занимаются данным вопросом. Однако прямой вопрос репортера *Do you want to go?* ставит президента в затруднительное положение. Такой вопрос даже имеет некоторые черты угрозы и наверняка в данном диалоге является частью стратегии, направленной на раскрытие истинной точки зрения президента по данному вопросу. Всё это, безусловно, сказывается на эмоциональном состоянии собеседника.

В такой ситуации стратегия молчания обычно не планируется адресатом заранее, но в силу того, что он пытается построить линию защиты, ему требуется время. Адресат пытается найти способ оправдаться. Джордж Буш пытается объяснить, что вопрос об участии в саммите обдумывается и обсуждается, но репортеру этого недостаточно. Ему нужен однозначный ответ, который президент дать не может.

Сложно назвать молчание президента в этом диалоге стратегией, так как он явно не был готов к такому вопросу, но можно с уверенностью сказать, что репортер прибегает к стратегии дискредитации. Он пытается воздействовать на адресата, что реализуется через применение речевых стратегий. Джордж Буш скорее пытается следовать тактике вежливости, которая нацелена на предотвращение конфликтных ситуаций.

В следующем примере коммуникативные намерения собеседников изначально явно не совпадают.

2.

Interviewer: *Was that New Years Eve -- later that night?*

Senator Jim Webb: *No, no, no, that was a couple of weeks later.*

Interviewer: *Well, that's not what I expected! So what are they, can I ask? You can say no if you want.*

Senator Jim Webb: *Umm...*

Interviewer: *I won't get the same one, I'll promise that.*

Senator Jim Webb: *We'd gotten an Asian symbol, and we decided to put the Scottish and Irish there. And then to keep the homefront calm, I got my wife's name on it* [Interview with Senator Jim Webb].

В данном интервью мы видим явное нежелание сенатора отвечать на вопрос. Он старается уйти от прямого ответа, в то время как его собеседник всячески пытается убедить его всё рассказать (*I won't get the same one, I'll promise that*). И даже фраза *You can say no if you want* — это скрытое убеждение. Несмотря на то что очередность обмена репликами сохраняется, интервьюер далеко не сразу добивается нужного ему ответа сенатора Джима Уэба. После первого ответа сенатора интервьюер не достигает своей коммуникативной цели и определенных прагматических устремлений. Он даже не скрывает этого: *Well, that's not what I expected!* Сенатор же сомневается, стоит ли ему делиться личной информацией, поэтому здесь молчание выполняет в большей степени hesitant функцию.

Следующий пример представляет собой диалог между сенатором Лихи и журналистом Бобом Шиффером, в котором последний пытается узнать у сенатора его личное мнение по поводу отставки Альберто Гонсалеса.

3.

SCHIEFFER: *All right, well let's—let's shift to the hearings with Attorney General Gonzales. A lot of people calling now for his resignation. Are you ready to call for his resignation?*

Sen. LEAHY: *You know, it's an interesting thing. A lot of those calls are coming from Republicans, and I think the Republicans were as critical as the Democrats during these--during these hearings. The question I have, if he left--I mean, he's lost—he's lost the confidence of many Democrats and Republicans in the--in the Congress, and many people throughout America. And the hearing did not help at all. It was--it was sad, in a way, because...*

SCHIEFFER: *Well, do you think he ought to stay?*

Sen. LEAHY: *But--but, well, in...*

SCHIEFFER: *Do you think Congress--can he be effective now?*

Sen. LEAHY: *I don't think he can be effective. But who would he be replaced with? If it's going to be another person who is going to be really run by the White House, and if the White House is continued to be allowed to interfere with the criminal justice system throughout this country, some of the effects-- everybody, right down to the officer on the beat, then it does no good. This is--never in the history, never in the history of the Department of Justice has there been a case where there's been so much interference from the White House in our criminal justice system. That is what's wrong [CBS News face the nation].*

Сенатор вынужден замолчать, поскольку не знает, как ему лучше поступить в данной ситуации. Исходя из этических соображений, он не может открыто заявить, что выступает за отставку Гонсалеса, однако и защищать этого человека он не может. Мы видим, что сенатор Лихи всячески уклоняется от прямых вопросов своего собеседника (*Are you ready to call for his resignation?; Well, do you think he ought to stay?*). Противоречивые фразы политика (*I don't think he can be effective. But who would he be replaced with?*) также говорят о сомнениях сенатора относительно того, стоит ли ему открыто выступать против Гонсалеса. Таким образом, за молчанием здесь, скорее всего, в равной степени стоят и сомнение, и когнитивные процессы, и воздействие эмоций. Можно сказать, что Шиффер не достигает в данном диалоге своей коммуникативной цели в полной мере. Сенатор же, наоборот, используя стратегию вуалирования, отвечает на вопросы таким образом, что имеет возможность одновременно и выразить свое отношение к происходящему, и не быть в будущем раскритикованным за слишком явное желание отправить Альберто Гонсалеса в отставку.

Если мы говорим об эмотивной, hesitant и когнитивной функциях, то тут молчание передает главным образом эмоцио-

нальное состояние человека. Коммуникант часто сомневается, стоит ли ему отвечать на вопрос, как лучше это сделать и каковы будут последствия его ответа. Он, как правило, старается скрыть свое эмоционально нестабильное состояние, но к молчанию прибегает ненамеренно. Ему требуется время, чтобы продумать ответ. Участник диалога может не хотеть высказывать свое личное мнение из этических соображений, он может также опасаться осуждения за какие-либо противоречия в собственных высказываниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М. : Наука, 1994. С. 106—117.
2. Арутюнова Н. Д. Молчание и чувство // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М. : Наука, 1994. С. 141—145.
3. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке. — М., 2000. С. 417—433.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1979.
5. Крестинский С. В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. — Калинин, 1989. С. 92—97.
6. Bruneau T. J. Communicative Silences: Forms and Functions // Philosophy and Phenomenological Research. 1973. Vol. 29, № 1. P. 17—49.
7. Jensen J. V. Communicative Functions of Silence // ETC : A Review of General Semantics. 1973. Vol. 23. P. 249—257.

ИСТОЧНИКИ

8. CBS News face the nation. 2007. Apr. 22. URL: <http://www.cbsnews.com/htdocs/pdf/F4-22-7.pdf>.
9. Interview with Senator Jim Webb. 2008. Sept. 18. URL: <http://www.esquire.com/features/jim-webb-interview>.
10. Center for strategic and international studies. 2010. June 23. URL: http://csis.org/files/attachments/100624_schieffer_transcript.pdf.
11. Amos Deborah, Bull Peter. Hot politics // Transcript. URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/hotpolitics/etc/script.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. Н. Морозова